

Р Ѣ Ч Ъ

ПРИ ПОГРЕБЕНІИ ПРОТОІЕРЕЯ КИШИНЕВСКАГО КАФЕДРАЛЬНАГО
СОБОРА И ЧЛЕНА КОНСИСТОРІИ ЕВГРАФА ПЕТРОВИЧА ПОНЯ-
ТОВСКАГО, 28 іюля 1881 года.

Братіе мои возлюбленніи, не забываете мя, всегда поете Господа: но поминайте и братство, и молитесь Бога, да упокоитъ мя съ праведными Господь (Троп. погреб. свящ.),—слышится голосъ изъ этого гроба. О, досточтимѣйшій отецъ и возлюбленный собратъ нашъ, можемъ ли мы забыть тебя, такъ ревностно прославлявшаго вмѣстѣ съ нами Господа? Можемъ ли не помянуть и братства, которое такъ долго соединяло насъ съ тобою, и въ которомъ ты занималъ такое почетное и заслуженное мѣсто? Нѣтъ, мы не перестанемъ молить Господа Бога, да упокоитъ Онъ—милосердый съ праведными душу твою. Во свидѣтельство нашей брат-

ской христіанской любви къ тебѣ, мы и собрались нынѣ вокругъ твоего гроба, чтобы воздать тебѣ послѣднее цѣлованіе и проводить тебя въ уготованное тебѣ мѣсто упокоенія.

Но прежде, чѣмъ темная могила навѣки сокроетъ тебя отъ насъ, мы желали бы въ послѣдній разъ побесѣдовать съ тобою. Мы желали бы, возлюбленный отецъ и собратъ нашъ, вспомнить и высказать съ сочувствіемъ и любовью то, чему ты самъ сочувствовалъ, что было радостію и утѣшеніемъ твоей жизни, и что составляетъ твою добрую память по смерти.

Прежде всего мы желали бы вспомнить о тебѣ, какъ о человѣкѣ, принадлежавшемъ къ нашему братству. Усвоивши плоды высшаго духовнаго образованія, проникнутый духомъ твердаго христіанскаго ученія, ты раздѣлялъ то высокое убѣжденіе, что человѣкъ долженъ быть личностію цѣльною, всегда себѣ равною, неизмѣнною. Соединяя черты твоей жизни и твоего характера въ одно общее, можно вывести заключеніе, что ты самъ стремился осуществить этотъ идеаль чело­вѣка. Все не подходящее подъ этотъ идеаль было тебѣ непріятно, огорчало, тревожило тебя. Не отсюда ли происходили тѣ особенности, которыя сказывались въ твоихъ житейскихъ отношеніяхъ? Но пока держалось прежде доброе направленіе, которому ты такъ сочувствовалъ, твой взглядъ на чело­вѣка не встрѣчалъ препятствій въ общественныхъ отношеніяхъ. Но вотъ повѣяло новымъ вѣяніемъ въ жизни; стали ниспровергать прежніе идеалы; наступилъ нашъ разшатанный и бѣдственный вѣкъ... Цѣльность возрѣвнй наломлена; неизмѣнность убѣжденій поколеблена; выступили новыя взгляды, новыя понятія; прежній идеаль чело­вѣка сталъ замѣняться новымъ современнымъ идеальомъ. Ты же, усопшій отецъ и собратъ, не измѣнилъ

своему направленію и сохранилъ цѣльность возрѣній и неизмѣнность убѣжденій до конца жизни. Мы сочувствуемъ этимъ прекраснымъ чертамъ и высоко цѣнимъ ихъ въ тебѣ. Мы не помнимъ проявленія отрицательныхъ сторонъ этихъ чертъ, и если чѣмъ нибудь подали поводъ къ твоему огорченію изъ за нихъ, то, просимъ тебя, восты насъ, какъ и мы прощаемъ тебя.

Затѣмъ мы припоминаемъ тебя, усопшій отецъ и собратъ, какъ семьянина, какъ отца семейства. Да не смущается духъ твой, досточтимѣйшій отецъ, — мы не коснемся тайны твоей семейной жизни, мы не дерзнемъ снять покрывало съ этой святыни; мы только вспомнимъ предъ тобою о томъ, что тебѣ самому было такъ дорого и мило, чѣмъ ты самъ радовался и скорбѣлъ, что было счастіемъ и отрадою твоей жизни. Да, возлюбленный собратъ нашъ, ты былъ рѣдкимъ и примѣрнымъ отцомъ семейства. Ты все приносилъ въ жертву благу и счастью своей семьи. Посмотри какъ слезно оплакиваетъ тебя твоя супруга, которую ты такъ любилъ и почиталъ. Взгляни, какъ страдаютъ по тебѣ твои дочери, которыхъ ты такъ нѣжно лѣлѣялъ и о которыхъ такъ неуспынно заботился. Но гдѣ твой сынъ, твой любезный Данииль? Ахъ, какую тяжкую рану причинила тебѣ преждевременная смерть его! Она похитила его у тебя во цвѣтѣ лѣтъ, на зарѣ жизни. Съ тѣхъ поръ и ты сталъ дряхлѣть и болѣть все болѣе и чаще, — и вотъ теперь идешь къ своему любезному сыну. А юныя дочери съ плачемъ и рыданіемъ окружаютъ тебя. Одну изъ нихъ ты благословилъ и устроилъ, а другія двѣ были первымъ предметомъ твоей отеческой заботливости. О, какъ ты желалъ видѣть и ихъ счастливыми и устроенными! Лютая смерть не дала тебѣ дожить до этихъ радостныхъ для родителя дней. Но не скорби, не унывай. Отецъ небесный,

воззавшій тебя къ Себѣ, Самъ заступитъ твое мѣсто. Онъ — семимилосерднѣйшій за твою любовь къ семейству, за твое неусыпное попеченіе о благѣ его, Самъ защититъ и устроитъ твою овдовѣвшую супругу и твоихъ осиротѣвшихъ юныхъ дочерей.

Наконецъ, еще одно послѣднее слово къ тебѣ, усопшій отецъ и собратъ, — слово болѣе открытое и и безбоязненное, потому что касается того предмета, знамя котораго ты такъ славно и честно несъ въ продолженіе своей жизни. Это слово о твоемъ пастырствѣ и учительствѣ. Важны для тебя были отношенія къ другимъ, дорога для тебя была семейная жизнь, но ничего не было для тебя важнѣе и выше званія, къ которому ты былъ призванъ. Ты жертвовалъ для него и добрыми отношеніями, и семейнымъ счастіемъ, и личнымъ спокойствіемъ и здоровьемъ. Ты принадлежалъ къ числу тѣхъ натуръ, которыя, взявшись за дѣло, не могутъ быть къ нему ни теплы, ни холодны, а влагаютъ въ него всю свою душу. И ты положилъ всю свою душу въ дѣло своего пастырства и учительства. И что же? Мы видимъ самые добрые плоды твоей ревностной пастырской и учительской дѣятельности. 20 лѣтъ ты былъ наставникомъ духовнаго юношества, и всѣ твои бывшіе питомцы съ благодарностію отзываются о твоемъ преподаваніи, которое совершенно выдѣлялось изъ прежняго общаго уровня. 13 лѣтъ ты безмездно служилъ въ женскомъ духовномъ училищѣ, и всегда былъ лучшимъ проводникомъ и исполнителемъ воли и намѣреній Архипастыря — великаго благодѣтеля этого училища. При тебѣ оно получило начало, при твоемъ добромъ и просвѣщенномъ содѣйствіи оно развивалось, возрастало и достигло того прекраснаго состоянія, которое теперь признается всѣми. Около 25 лѣтъ ты служилъ членомъ высшаго

епархіального управленія, и это служеніе твое всегда отличалось умомъ, знаніемъ, честностію, аккуратностію. Это не разъ было засвидѣтельствовано и Архипастырскимъ вниманіемъ и поощреніемъ, и довѣріемъ всего духовенства, которое на своихъ сѣздахъ неоднократно избирало тебя предсѣдателемъ. Столько же лѣтъ ты былъ пастыремъ церкви Христовой. Не намъ судить о твоей пастырской дѣятельности. Мы меньшіе, ты — старѣйшій между нами и по лѣтамъ и по заслугамъ. Но если бы ты могъ видѣть, какое множество почитающихъ тебя пришло проститься съ тобою, то ты съ великою радостію, подражая апостолу, сказалъ бы: печать моего священнослуженія и пастырства — вы — пришедшіе теперь ко мнѣ.

Вотъ о чемъ мы хотѣли побесѣдовать съ тобою въ послѣдній разъ, усопшій отецъ и собратъ нашъ. Прости, если мы не все припомнимъ и не такъ поняли изъ того, что теперь тебѣ, отрѣшившемуся отъ земныхъ узъ, болѣе ясно и понятно. Мы желали только выразить, что расстаемся съ тобою съ чувствомъ любви и глубокаго почтенія къ твоимъ достоинствамъ и добродѣтелямъ, и всегда будемъ молить Господа объ упокоеніи тебя въ селеніяхъ праведныхъ, а ты молись тамъ и за насъ.

Священникъ А. Конскій.